

Великая мандала

В Алмазной Сутре Совершенная Мудрость – нечто мощное, потрясающее, действенное. Однако не вообразайте, что «Ратнагуна-самчаягатха» обдаст вас мощным порывом ветра.

Здесь Совершенная Мудрость становится очень мягкой, очень нежной, очень ненавязчивой.

«Ратнагуна-самчаягатха» совсем не похожа на «Ваджрачchedику». Она подходит к Совершенству Мудрости, можно сказать, с совершенно иной стороны. Это отражается уже в названии: мы размышляем не над Совершенством Мудрости, которое «рассекает подобно алмазу», а над «строфами о накоплении драгоценных качеств Совершенства Мудрости». Конечно, Совершенство Мудрости осталось прежним, но акценты здесь совершенно иные. Следовательно, прежде чем обратиться к тексту, нам нужно еще раз рассмотреть наши фундаментальные предположения относительно основного предмета «Ратнагуна-самчаягатхи». Иначе нам, скорее всего, с самого начала будут препятствовать тонкие, но важные расхождения в понимании.

Подобно Алмазной Сутре, «Ратнагуна-самчаягатха» посвящена одному-единственному предмету. На самом деле, это предмет обеспечивает поле изысканий для всего свода Совершенства Мудрости. Этот предмет – продвижение Бодхисаттвы. Кто такой Бодхисаттва? Как Бодхисаттва ведет себя, практикует, живет? Что делает Бодхисаттва? И если мы не будем осторожны, мы можем получить ложное представление о природе Бодхисаттвы, исходя из тщательно разработанных деталей, в которых тексты отвечают на эти вопросы. Если исходя из этих размышлений мы начнем представлять себе Бодхисаттву, как высокоинтеллектуальное существо, а Совершенство Мудрости – как высокоинтеллектуальное учение, тогда – глупцы – мы подойдем к вопросу совершенно не с того конца.

Строфы, с которыми мы познакомимся, могут показаться трудными для понимания, но они не *интеллектуально* сложны – или, по крайней мере, не так сложны, как большинство текстов Совершенства Мудрости. «Ратнагуна-самчаягатха» довольно проста и понятна, по сравнению, к примеру, с Алмазной Сутрой. Если она все же кажется нам несколько пугающей, так может показаться потому, что она идет вразрез со средневековым индийским способом передачи мысли, который, будучи чрезмерно абстрактным и концептуальным, не слишком хорошо подходит для духовного гения буддизма. В особенности, столь беспощадно-концептуальный подход не подходит для задачи, которую стремится решить Совершенство Мудрости, задачи разрушения всего концептуального окружения, на которое опирается этот подход. Понятия опровергаются посредством других понятий: относительно грубые уступают место относительно тонким.

Большинство западных людей – и, конечно, большинство англичан – чувствуют себя не в своей тарелке от подобного подхода. Поэтому, возможно, будет облегчением узнать, что это не стандартный подход, которому следуют все буддисты. Нам нужно различать особенности индийского мышления и сам буддизм и выработать форму выражения, которая более естественна для нас самих. Возможно, трудно понять, где нам найти более реальную и непосредственную форму выражения, в которую можно перевести концептуальный язык, но прецедент есть. Распространившись из Индии в Китай, буддизм совершенно изменил манеру самовыражения. Чаньские буддисты взяли подобные учения и совершенно переделали их, так что вместо длинных, абстрактных изысканий появился окрик, хлопок ладонями или цветок в руке. Подразумевалось то же самое, но средства передачи совершенно изменились. Будучи переведенной на китайский язык, литература Праджняпарамиты обрела иной, более конкретный оттенок чувства, как указывает и китайское название – «Темная Мудрость».

Можно начать разрабатывать свою собственную версию учений, как сделали китайцы, сократив до некоторой степени метафизическое величие Махаяны. Или же мы можем вернуться назад и исследовать древние буддийские учения, такие, как «Удана» и «Суттанипата», которые появились задолго до того, как абхидхармисты и махаянисты начали свой концептуальный анализ, если мы хотим более приземленного подхода. Но не стоит отвергать тексты Совершенства Мудрости из-за страха неверно понять их. Даже в попытках справиться со средневековым индийским мышлением у нас все еще есть различные простые и безыскусные средства, которые можно использовать, чтобы получить от учений больше пользы.

Первое и самое важное: понять, что средство – это не послание⁴³. Другими словами, нам не стоит надеяться на знакомство с Совершенной Мудростью посредством чтения книг о ней или даже писаний. На самом деле, послание и средство послания настолько далеки друг от друга, что на самом деле они вредят друг другу. Совершенство Мудрости может говорить на языке, понятном интеллектуалам, но его послание на самом деле не имеет ничего общего с чем-либо интеллектуальным. Если мы уделяем больше внимания средству, а не самому посланию, мы можем подумать, что эти учения – побуждение к обдумыванию, но это не так. Скорее, они используют мысль, чтобы отвергнуть мысль. Конечно, сама эта идея может создать нам множество проблем, особенно если мы погрязнем в обдумывании того, как выдумать путь к тому, чтобы не думать – как мы, скорее всего, и сделаем, если поддадимся губительному влиянию всегда процветающей *литературы* о Дзэне.

Однако, признав, что средство – это не послание, как мы можем освободить наш ум от этой склонности к сложному мышлению? Один из методов – практика молчания. Когда мы перестаем озвучивать наши мысли, мышление становится менее занятым и более ясным. В то же самое время мы начинаем непосредственное вступать в контакт с вещами, и даже – что может удивить нас – с другими людьми. Молчание не означает перерыва в общении: на самом деле, общения становится больше, оно переходит на более тонкий уровень. Мы обнаруживаем подсознательные и в этом отношении более выразительные средства, включая выражение наших глаз, жесты, мимику и позы. Возможно, мы даже обнаружим, что способны передать кому-то наше понимание, не глядя на него.

Еще один метод, который позволяет приподнять завесу беспорядочного мышления, – начитывание *мантры*. Это действует, потому что дает вам то, о чем вы можете помнить, но не думать об этом, потому что у *мантры* нет значения в обычном смысле. Вы можете придать ей значение, но это будет уже не главное. Первичен звук – звучащий символ. Очень важно отдавать всего себя начитыванию *мантр*, сознательно решить в начале практики, что вся ваша энергия будет направлена на эту практику. Если вы не соберетесь с самого начала, вы будете в некотором смысле плыть по течению, и мысли будут разворачиваться по мере того, как *мантра* будет звучать на другом уровне вашего ума.

Любой серьезно изучающий Совершенство Мудрости, конечно, будет практиковать медитацию. Может показаться, что очевидной практикой для концентрации будет та, что специально развивает осознанность или внимательность – возможно, *анапана-сати*, «осознанность дыхания» – и это, безусловно, неплохая идея. Однако очень часто слово «осознанность» используется таким образом, что обозначает своего рода отстраненность от чувств, но это то, что я называю «отчужденной осознанностью», холодной, отстраненной осознанностью, очень сильно отличающейся от подлинной, вмещающей все осознанности Бодхисаттвы. Так что если вы хотите развить Совершенство Мудрости, столь же важна практика (хотя это и может показаться удивительным) метта-бхаваны, возвращая универсальной любящей доброты.

Почему это так, становится ясно, когда мы смотрим на слово «мудрость» свежим взглядом. Это наш рабочий аналог санскритского слова «*праджня*», но Герберт Гюнтер переводит слово *праджня* более точно. Согласно доктору Гюнтеру, мудрость состоит в «аналитическом

благодарном понимании». Как мы видели, сведение всех *дхарм* к *шуньяте* – это аналитическое понимание, которое является сущностным компонентом *праджни*, но его следует объединить с другим способом понимания, который Гюнтер описывает как «благодарность».

Бодхисаттва, не ставя это себе целью, переделывает всю вселенную и превращает ее в гигантскую мандалу

Аспект благодарности, признательности в праджне открывает новую перспективу видения основного предмета «Ратнагуна-самчаягатхи» – и Праджняпарамиты в целом, – которую слишком легко упустить из вида. Это столь важное измерение деятельности Бодхисаттвы, столь важный противовес интеллектуальности, с которой мы склонны подходить к текстам Праджняпарамиты (даже таким ярким, как «Ратнагуна-самчаягатха»), что стоит исследовать некоторые из его последствий. Следовательно, нам нужно напомнить себе, на что в действительности похож опыт Бодхисаттвы (которому особо адресована Праджняпарамита).

Просветление Будды не было холодным, отстраненным знанием. Его видение было наполнено теплотой, наполнено чувством. Что еще более важно, он видел все чистым, или *субха*, что также означает «прекрасный». Будда видел все как чистую красоту, потому что он видел все в лучах сострадания – точно так же, как, напротив, когда вы что-то ненавидите, это кажется уродливым. Когда благодаря метте вы видите вещи прекрасными, вы естественным образом испытываете радость и восторг. А в этой радости и восторге берут начало спонтанность, творческая сила и энергия. Это течение от метты к радости, к свободе и энергии – постоянный опыт Бодхисаттвы. Следовательно, мудрость Бодхисаттвы в самом полном смысле включает метту. В каком-то смысле, можно даже сказать, что метта – это *праджня*.

Искусственный взгляд на Праджняпарамиту может привести к впечатлению, что Бодхисаттва – своего рода прославленный спорщик, но это впечатление далее рассеивается при рассмотрении другого слова, описывающего опыт Бодхисаттвы – «*видья*». *Видья* – это противоположность *авидьи*, неведения, и обычно ее переводят как «знание». Однако Гюнтер переводит его как «эстетическое восприятие» (подобное праджне, но не несущее элемента анализа), и это гораздо ближе к его истинному значению. *Видья* – своего рода наслаждение вещами, гармония с миром, а его противоположность, *авидья*, несет смысл отчужденности и конфликта – а вовсе не недостаток *знания* в обычном смысле этого слова.

Когда говорится о том, что кто-то что-то *знает*, это содержит предположение о том, что знание утилитарно. Человек знает, для чего предназначена вещь, знает, что можно с ней сделать. Иногда подобное отношение к вещам может неожиданно поразить вас. Однажды, когда я жил в Калимпонге, я вышел на прогулку и увидел необычайно высокое, красивое сосновое дерево, растущее у дороги. Пока я стоял и восхищался им, подошел мой непальский друг. «Только посмотри на это дерево! – воскликнул я. – Разве оно не великолепно?» «О да! – ответил он. – В нем должно быть, по крайней мере, двадцать маундов древесного топлива – хватит на всю зиму!»

Если мы видим лишь практическую ценность вещей, мы относимся к ним с позиций нужды, которая становится желанием, а оно превращается в страстное стремление заполучить объект, который воспринимается как способный осуществить желание. Дерево рассматривается не как существующее само по себе, ради самого себя, а как что-то, что удовлетворит наши нужды. Однако если у нас нет желаний, которые нужно было бы исполнять, нет субъекта и объекта. Это состояние Бодхисаттвы – пустое от любых желаний использовать вещи ради определенной цели. Все, что осталось – это эстетическое восприятие и ощущение ценности. Если вы Бодхисаттва, вы наслаждаетесь миром, как наслаждаются произведением искусства или художественным представлением – с тем различием, что вы не ощущаете разницы между собой и тем, что «снаружи». Обычно – хотя в кино в меньшей степени – люди в аудитории сохраняют ощущение себя как субъектов, отличных от того, что

они переживают как эстетический объект, и в этой степени остаются отчужденными от него. Но переживание мира Бодхисаттвой скорее подобно

*Музыке, в которую вслушиваешься так глубоко,
Что совсем не слышишь,
Но сам становишься музыкой,
Пока музыка длится⁴⁴*

и чем-то напоминает состояние женщины в партере, которая забывает, что это «только» пьеса и кричит Отелло, что Дездемона невинна.

Однако «цель» Бодхисаттвы, если вообще можно говорить о нем подобным образом, вовсе не пассивна. Она чем-то напоминает позицию деятеля искусства – разве только в том, что художник, к примеру, редко может просто наслаждаться миром, не начиная думать о том, как сделать с него картину. То, что создает Бодхисаттва, – нечто совершенно иное. Бодхисаттва, не ставя это себе целью, переделывает всю вселенную и превращает ее в гигантскую мандалу.

Что это означает? Что такое мандала? Отложив в сторону более традиционные определения, давайте воспользуемся этим кратким определением тибетского учителя Ронгзомпы Чокьи Зангпо: «Сделать мандалу – означает взять любой важный аспект реальности и окружить его красотой». То, что мы выбираем один аспект реальности, а не иной, должно происходить не в силу стремления к нему в форме страстного желания, а в силу духовного родства. Это должна быть сфера реальности, которую вы цените и уважаете достаточно, чтобы окружить ее гармоничной моделью прекрасных образов. Вы берете, к примеру, определенную фигуру Будды – ту, которую вы считаете особенно привлекательной, возвышенной или драгоценной – в качестве аспекта реальности, на котором вы хотите сосредоточиться, и украшаете его, например, другими фигурами Будд в направлениях света. Затем можно поместить в промежутках четыре элемента и использовать все другие природные вещества как материалы, чтобы наполнить пространство и сделать его приятным и уютным местом.

Бодхисаттва создает мандалу, относясь к миру с чувством признательности и ощущения красоты, а не с точки зрения пользы. Чтобы поддерживать жизнь, вам придется участвовать в какой-то мере в практической деятельности – вы должны думать о вещах и понимать, как устроен мир – но если вы Бодхисаттва, все это имеет место внутри всеобъемлющего контекста эстетического ощущения ценности. Мы обычно думаем об «эстетическом ощущении ценности» как о частной, отдельной жизни, внутри гораздо более обширного пространства утилитарного и «практического», но на самом деле все должно быть наоборот. Нашим главным умонастроением, преобладающим отношением к жизни должен быть чисто эстетический взгляд. Мы должны стремиться не использовать вещи, а просто наслаждаться ими, ценить их, чувствовать их. Не нужно представлять нашу мандалу эстетической ценности размером с маленькую тибетскую *танку* в углу огромного мира важных практических дел. Вместо этого мы можем представить, что живем внутри более обширной мандалы эстетической ценности, в которой наши практические мирские дела и удовлетворение наших (не невротических) желаний и потребностей занимают лишь крошечный уголок. Реальные ценности – эстетические, а не утилитарные.

Есть история о даосском святом, который сидел у реки с удочкой, и кто-то подошел к нему и спросил, как он может примирить рыбалку и роль даосского мудреца. Он ответил: «Все нормально, у меня нет наживки». Он просто наслаждался рыбалкой; он не нуждался в попытках что-нибудь поймать. *На самом деле* нам не нужно ничего делать – но так ли мы делаем? Большую часть времени мы можем просто расслабиться, так сказать, и наслаждаться вселенной. Вот наше главное занятие. Это наша главная работа – а не работа. Нам нужно добыть пищу, одежду, крышу над головой, позаботиться о здоровье и передвижении, купить несколько книг... Но остальное время и энергию мы можем просто посвятить созерцанию

вселенной, просто наслаждаясь всем этим. Именно так живет Бодхисаттва.

Я не говорю о питании лотосами, видениях наяву, сосредоточении на пупке как идеале. Бодхисаттва – самый отчаянный труженик, он постоянно отвечает на объективные потребности, возникающие в той или иной ситуации, но в то же самое время он (или она) действует внутри более обширной мандалы эстетической ценности. Дело даже не в том, что сфера, внутри которой Бодхисаттва действует – это сфера «практической деятельности», которая существует отдельно от большой мандалы. Большая мандала проникает в эту ограниченную сферу, и практические действия становятся выражением ценностей большей мандалы в определенном контексте и на благо определенных людей.

По сути, Бодхисаттва прокладывает курс между двумя неудовлетворительными крайностями – и выходит за их пределы. С одной стороны, мы можем быть настолько погружены в практическую деятельность, что отождествляем себя с ней и соответственно утомляемся и впадаем в беспокойство, утрачивая видение далеких горизонтов эстетической ценности. С другой стороны, мы можем потеряться в слишком просторном – и едва ли в положительном смысле – состоянии ума, в котором мы не можем ничего совершить. Идеал – срединный путь. Нам нужно поддерживать круг практических занятий – к которым мы не привязаны, которые не беспокоят нас, которые не заставляют нас утомляться – внутри гораздо более обширного круга великой мандалы. Тогда мы сможем наслаждаться своей работой, потому что она проникнута этим ощущением и осознанием ценности. Такого равновесия непросто достичь. Все время мы склоняемся то к одной, то к другой крайности, так что нам нужно будет постоянно поправлять свой курс, чтобы следовать срединному пути.

Одно из противоядий от первой крайности – отправиться ненадолго в деревню и позволить влиянию природы напомнить нам о высшей реальности великой мандалы. Но помимо отдыха от города – ретритов, например – нам нужно понемногу восстанавливать равновесие каждый день. Это значит, что мы должны следить, чтобы время, проведенное с друзьями, не было посвящено исключительно практическим вопросам. Это означает, что мы творчески используем время медитации, а не пытаемся в этот момент обдумать проблемы и трудности повседневной жизни.

Противоядие от второй крайности – включиться в какой-нибудь сложный проект. Идеальная ситуация – жить и работать с другими людьми, чтобы все вы работали на достижение общей духовной цели, и все, что вы делали – прямо или косвенно – было направлено на достижение этой цели. Можно сделать большую, трудную и даже грубую работу, если выполняешь ее в общей атмосфере расслабленности, спокойствия и веселья (что может означать жизнь и работу с людьми того же пола). Конечно, рано или поздно вы утратите перспективу, и атмосфера станет более напряженной или даже взрывоопасной. Тогда, по крайней мере, некоторым из вовлеченных в работу стоит ненадолго уйти и снова обрести целостное видение. К возвращению нужно подходить очень и очень осторожно: утонченная энергия, которую вы принесете из уединения, скорее всего, начнет рассеиваться при контакте с более грубыми, напряженными энергиями. Вы раздражаетесь, те, кто не уединялся, обижаются. Если это осуществимо, возможно, лучше всего, чтобы половина людей, живущих или работающих вместе, время от времени уходили в ретрит.

Правило в целом таково, что мы должны чередовать жизнь в деревне, где легче установить контакт с обширной мандалой, и жизнью в городе, где это ощущение ценности можно с готовностью применить в ситуации отдачи себя другим. И то, и другое абсолютно необходимо подавляющему большинству людей. Наша деятельность нуждается в безмятежности медитации, а наша медитация должна быть живой и динамичной, а не просто короткой приятной сессией расслабления. Если мы достигаем нужного равновесия, мы отправляемся в ретрит с энергией бодрости и возвращаемся в город с видением большей мандалы, чтобы применить его ко всему, что делаем. Цель – достижение которой может занять много времени – в том, чтобы привнести ощущение чисто эстетической ценности во

все обстоятельства, с которыми мы сталкиваемся на пути.

**Вам не нужно доказывать ваше существование его полезностью. Вы сами –
доказательство своего существования**

Когда я жил в Калимпонге, я познакомился с французской буддийской монахиней, которая была довольно образованной женщиной – она училась в Сорбонне и в действительности была одаренной женщиной с точки зрения интеллекта. У нее был ужасный характер, она всегда была требовательна и возбуждена, всегда была занята. Когда бы я ни пришел к ней, она стирала и терла, кормила собак и кошек, готовила и занималась (одновременно), писала письма, бросалась на встречу то с одним, то с другим человеком, встречала лам, ходила на рынок, возвращалась с рынка, что-то строила, разрушала, разбирала по кирпичику... Однажды она пришла ко мне и сказала: «Бханте, кажется, я просто не могу медитировать». Я сказал: «Анила (это вежливое обращение к монахине), ты отлично справляешься со многим, но есть лишь одна вещь, которой тебе стоит научиться – тогда ты сможешь медитировать». «Что это? Что это?» – спросила она возбужденно, готовая сорваться с места и отправиться выполнять это. Я сказал: «Ты должна научиться тратить время впустую». Услышав эти слова, она чуть не вышла из себя. «Тратить время?» – взвизгнула она. «Так многое нужно успеть, а вы просите меня тратить время впустую? Это ваш буддизм?» «Да, – сказал я, – что касается вас, это мой буддизм. Просто научитесь тратить время впустую. Станет гораздо лучше». К несчастью, она так и не научилась тратить время впустую. Таким людям, как она, так же трудно измениться, как и тем, кого не надо уговаривать тратить время, кому, напротив, не мешает обрести больше сосредоточенности в жизни.

Бодхисаттва делает полезные вещи, но он наслаждается этим. Вот почему говорится, что Бодхисаттва *играет*. Идея «*лилы*», игры или представления, играет довольно значительную роль в современной индийской духовной жизни. Сама духовная жизнь воспринимается как *лила*, чисто спонтанное излияние духовной энергии, которое в каком-то смысле бесцельно. В тантрическом буддизме это состояние обозначается термином *сахаджа* – состояние, которое совершенно естественно, изначально и спонтанно. Однако в буддизме Махаяны его называют *анубхогачарьей* – «спонтанной жизнью» Бодхисаттвы, которая представляет собой кульминацию целой серии *чарья*. Первая из них – добуддийская *брахмачарья*, «жизнь Брахмы», принятая ранним буддизмом. Затем идет *дхармачарья* – это буддийский, особенно хинаянский, термин. *Самбодхичарья* – общий термин Махаяны, а *анубхогачарья* восходит к поздней Махаяне. Идея самбодхичарьи даже сохраняется в названии довольно поздней, полной легенд и приукрашиваний истории жизни Будды, «Лалита-вистаре», или «Подробном повествовании об играх Будды». Его жизнь описывается как «игры», потому что, согласно Махаяне, его действия были спонтанны, свободны и естественны, подобно игре ребенка.

Разница между работой и игрой заключается в том, что игра не является необходимостью. Она не привязана ни к какой цели, у нее нет причины. На санскрите изящные искусства называются «*лалитакала*», «игривые искусства», потому что у них нет мирской пользы. Вы можете жить и без искусств – никто не умер от недостатка искусства. Они вполне излишни – и именно поэтому столь необходимы. Подобно этому, жизнь Бодхисаттвы – жизнь, изображенная в Праздниках парамите – необходима, потому что бесполезна. Кульминацией медитации, обучения, правильного образа жизни становится переживание того, что вы просто счастливы, будучи тем, кто вы есть, не делая ничего особенного. Вы можете просто танцевать по комнате, бесцельно, не испытывая неловкости – не пытаться быть игривым или спонтанным, просто будучи собой. Какой-нибудь человек, любящий вмешиваться в чужие дела, непременно подвернется вам и скажет: «Послушай, на что ты тратишь свое время? Для тебя есть работа». Но это означает ставить телегу впереди лошади (или, скорее, привязывать лошадь позади телеги).

Однажды один человек пришел ко мне и сказал, что не ощущает себя полезным, потому что у него нет ни к чему особого таланта. Я сказал ему: «Думайте о себе как о

неспециализированном живом существе». Люди считают, что, если они не могут принести определенной пользы – не могут печатать, вести счета, не могут готовить, не могут писать, говорить, рисовать или играть на музыкальном инструменте – с ними что-то нет так. Но вспомните: это вроде бы бесполезное живое существо является продуктом миллионов и миллионов лет эволюции. Вы – цель, ради вас все происходит. Вам не нужно доказывать ваше существование его полезностью. Вы сами – доказательство своего существования. Вы появились на свет после всех этих миллионов лет эволюции не просто для того, чтобы сидеть перед печатной машинкой или вести счета. *Вы* – доказательство всего процесса. Вы и есть цель. Все, зачем вы действительно здесь – развиваться в более высокую форму человеческой жизни, стать Бодхисаттвой, стать Буддой. Так что не стыдитесь того, что просто сидите и ничего не делаете. Гордитесь этим. Делайте все спонтанно, исходя из состояния внутреннего довольства и успешности. Быть украшением – такая же добродетель, как быть полезным.

Если вы принимаете это всерьез, вам стоит внимательнее относиться к людям, пытающимся сыграть на вашем чувстве вины. Как можно быть спонтанным, если ты обременен виной? Так что не позволяйте людям производить по отношению к вам эмоциональное вымогательство. Если кто-то начинает говорить вам: «Посмотри, как тяжело я работаю ради Дхармы! Разве тебе не стыдно, что ты просто сидишь здесь и ничего не делаешь, пока я делаю все?» – вам нужно только сказать: «Нет, со мной все хорошо. Я действительно получаю удовольствие, наблюдая, как ты все это делаешь». Очень важно не допускать этого эмоционального «выкручивания рук»: это очень неискусно – обращаться к негативным эмоциям других, чтобы добиться выполнения чего-либо, вместо того, чтобы пробуждать энтузиазм для работы с радостью. Не относитесь к своим буддийским обязанностям слишком старательно. Я не защищаю безответственность и легкомыслие или трату энергии по пустякам в бездумном веселье. Но даже стараясь изо всех сил в том, что вы делаете, помните, что в своей сути все это игра – и не лишайтесь сна из-за игры, она того просто не стоит. Серьезность не означает мрачности, точно так же, как празднование пуджи перед алтарем не требует постных лиц и «мрачного религиозного света».

Необходимо принять в расчет и еще кое-что, когда мы рассматриваем настроение, с которым мы подходим к дхармическим делам: вопрос психологических типов или темпераментов. Например, есть «организованные» люди, а есть «неорганизованные». Организованные люди склонны все организовывать, а неорганизованные – это те, кого организуют организованные, и часто независимо от того, нравится ли это неорганизованным или нет. Но одно лишь то, что вы не действуете определенным организованным образом, не обязательно означает, что вы ленивы, недостаточно преданны Дхарме, или даже что вы делаете меньше, чем те, кто *организован*. Можно действовать плодотворно, энергично и творчески, действуя так, что организованные люди предали бы вас анафеме.

К несчастью, в любой коллективной буддийской деятельности почти всегда учитываются те, кто любит организованность, а люди с противоположным темпераментом впрягаются в дело волей-неволей. Но почему бы время от времени не учесть и мнение неорганизованного человека? Почему бы не провести неорганизованный ретрит, без какой бы то ни было программы? Назовите его «Дхарма-выходным» – все ретритные возможности будут доступны, но только вы будете решать, как воспользоваться ими. Некоторым людям захочется собраться вместе, выбрать главного, организовать программу, а другие будут действовать сами по себе, и все же ретрит окажется для них в высшей мере плодотворным. Некоторые даже решат (вполне осознанно, объективно, ответственно и решительно), что лучший способ провести Дхарма-выходной для них – встать попозже и просто посидеть в саду, ничего не делая. Некоторым людям это может показаться трудной задачей: даже во время ретрита всегда можно заполнить день полезной деятельностью и утратить ощущение обширной мандалы.

Бодхисаттва разрешает это противоречие или противопоставление между эстетическим созерцанием, с одной стороны, и практической деятельностью – с другой, и не ощущает

конфликта. Но пока нам приходится переключаться с одного на другое, пока присутствие или опыт одного подразумевает отсутствие опыта другого, переход всегда будет составлять некоторую трудность. Все, что мы можем сделать, – каким-то образом привнести эстетический опыт в практическую деятельность: именно это и делает Бодхисаттва, как он представлен в Совершенстве Мудрости, и это очень трудный процесс. Можно начать с более легкомысленного отношения к практическим делам. Без сомнения, они полезны, но лишь внутри более обширного контекста совершенной бесполезности. Даосизм довольно хорошо раскрывает эту тему. Даосы говорят, что человек Дао подобен огромному дереву, которое настолько велико, что ни к чему не пригодно – ветви слишком толсты для рукояток топора и так далее. Можно попытаться стать слишком большим, чтобы быть полезным. Как бы ни важна была работа Бодхисаттвы, он или она видят в Совершенстве Мудрости, что она имеет место в крошечном круге внутри более обширной мандалы бесцельного ощущения ценности.

Таково видение Совершенства Мудрости. Если, взявшись за «Ратнагуна-самчаягатху», мы обнаружим, что она сопротивляется нашим попыткам понять ее смысл, если она откажется вписаться в наши интеллектуальные ожидания, то это произойдет потому, что она не предназначена быть полезной в каком бы то ни было смысле. Она пользуется общей валютой интеллектуальных операций, но так, чтобы показать нам, что происходит совершенно из другого измерения. Она происходит, так сказать, из более обширной мандалы.